
РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ИНОКУЛЬТУРНОГО СОЦИУМА: БАЛАНС РЕЦЕПТИВНОСТИ И РЕЗИСТЕНТНОСТИ

Т.П. Млечко

Кафедра славянской филологии
Славянский университет, Республика Молдова
ул. Флорилор, 28/1, Кишинев, MDA-2075

Статья посвящена проблеме формирования русской языковой личности ближнего зарубежья. В ней рассматриваются факторы, предопределяющие её повышенную рецептивность к влиянию инокультурной среды, а также потенциал и механизмы резистентности, которые должны быть учтены при выработке лингводидактических стратегий в условиях многоязычия.

Ключевые слова: языковая личность, ближнее зарубежье, билингвизм, языковая идентичность, рецептивность, резистентность.

Изменения общего характера на постсоветском пространстве и социокультурные реформы в странах ближнего зарубежья, а также политика перехода на государственный язык общения во всех сферах привели в совокупности к некоторой спецификации русской речевой практики на территории каждой из бывших союзных республик, что сказалось и на характеристиках русской языковой личности (РЯЛ). Под русской языковой личностью в языкознании понимается, согласно определению Ю.Н. Караулова, «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих тестах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [20].

В связи с трансформацией экстралингвистического контекста и дерусификацией общего коммуникативного пространства ближнего зарубежья актуализировалась проблема сбалансированного соотношения восприимчивости (рецептивности) и устойчивости (резистентности) языка и его носителей к воздействию инокультурной среды, а также проблема научной интерпретации результатов такого воздействия. Это важно в целях противодействия центробежным тенденциям в отношении русского языка, функционирующего вне России, и в целях поддержания культуры русской речи в государствах ближнего зарубежья. Данная задача решается в сфере образования на русском языке, включая подготовку в зарубежных вузах с русским языком преподавания специалистов разного профиля, в первую очередь филологов-русистов и преподавателей других дисциплин для русскоязычных и иных учебных заведений. Именно в учреждениях образования, как правило, формируется в основных своих чертах языковая личность. В случае с русским языком от этого напрямую зависят не только характеристики РЯЛ, но и качественное состояние русского языкового пространства в условиях доминирования титульного лингвокультурного окружения страны проживания.

Наша цель — представить отличительные черты РЯЛ ближнего зарубежья, которыми предопределяется рецептивность к лингвокультурному влиянию среды, а также те, которые важны для формирования механизмов резистентности и должны быть включены в арсенал лингводидактики.

В основе статьи материалы многолетних исследований, проведенных автором в Республике Молдова (записи интервью, языковые биографии, опросы, включенное наблюдение и др.), а также сведения по республикам ближнего и дальнего зарубежья, введенные в научный оборот другими специалистами.

К числу кардинальных перемен, которые произошли с носителями русского языка и, соответственно, преобразовали РЯЛ в период трансформации постсоветского пространства и социокультурного контекста в каждой из бывших союзных республик, как показало исследование, можно отнести:

- 1) становление русско-национального билингвизма;
- 2) пересмотр языковой и связанных с ней идентичностей;
- 3) упрочение *местного* сегмента в индивидуальном когнитивном пространстве языковой личности.

Как свидетельствуют статистические данные, в советский период русскоязычные жители национальных республик в основной своей массе не владели языком титульного населения, так как их общим языком коммуникации был русский язык. Сводные данные по Союзу на хронологическом срезе 1989 г. таковы: 95,6% русских горожан и 97,1% русских жителей села не владеют вторым языком.

После обретения республиками суверенитета и придания статуса государственного их титульным языкам начался переход к русско-национальному билингвизму, что преобразило и усложнило РЯЛ ближнего зарубежья. Несмотря на противоречивый характер этого перехода и на то, что в сложившихся типах билингвизма русскоязычных доля второго языка пропорционально намного меньше, тем не менее, это способствовало их погружению в окружающий лингвокультурный контекст и росту восприимчивости к его влиянию, особенно у представителей молодого поколения.

Характерно и то, что полинациональное по своему составу и нередко компактно проживающее сообщество носителей русского языка продемонстрировало повышенный интерес к изучению своих этнических языков.

При таком наборе используемых языков важен ответ на вопрос о том, «сколько языковых личностей у билингва» [2]. Как отмечал кн. Н.С. Трубецкой, «каждая личность имеет несколько ликов, которые все сосуществуют одновременно, но конкретно проявляются каждый в своих особых, сменяющих друг друга во времени индивидуациях. Но личность не совпадает ни с одним из этих ликов и ни с одной из этих индивидуаций: личность есть связь и совокупность всех их» [18]. Таким образом, при любом количестве освоенных и используемых индивидом языков речь идет об одной языковой личности, только более сложной. «Становление вторичной языковой личности есть одновременно и формирование языковой личности билингва, трилингва и ... полиглота» [13].

Такое соположение языков Е.В. Клюев называет «вавилонизмом» языковой личности. «*Вавилонизм* остро подчеркивает необходимость считаться с близким

присутствием других языков и так или иначе соотноситься с ними. В языковой личности могут сосуществовать и уживаться сразу несколько языков и культур» [8].

Очевидно, что реалии современного мира актуализировали **множественную языковую самоидентификацию**. Индивид, владеющий и активно пользующийся не одним языком, может одновременно самоотождествлять себя, хотя и в разной степени, с двумя или несколькими языковыми общностями. «Я сейчас двуязычный», — таково языковое самоопределение нашего респондента (ДК) (1).

Отметим, что такая ситуация имеет и другой эффект — затрудненной самоидентификации. Наши русскоязычные респонденты на вопрос о родном языке отвечают с оговорками, например: «Ну, если считать по национальности, то, наверное, родной — украинский, но больше говорим на русском. Я не знаю, затрудняюсь сказать, что уж тут родное» (ЕМ).

Как правило, усложнение или смешение языковых идентичностей связано со следующим из названных нами кардинальных факторов преобразования языковой личности носителя русского языка — пересмотром идентичностей. Речь об усилившемся притяжении гражданской и этнической идентичности, которые напрямую связаны с языком. Так, приверженность своим этническим корням предполагает владение языком соответствующего этноса, а гражданство, как правило, предполагает обязательное знание человеком государственного языка страны проживания, который русскоязычные билингвы молодого поколения нередко даже называют родным.

ТМ: А почему Вы причислили его тоже к родным?

ДК: Потому что я живу в этой стране, где это официальный язык, во-вторых, в основном люди здесь на нем разговаривают. И по долгу работы, по долгу того, что я здесь живу.

Это вполне вписывается в сегодняшнее толкование понятия «родной язык» в отношении лиц нетитульной национальности. Оно изначально предполагает, что *язык родной страны не может не быть родным*. Как отмечает А.Б. Лихачева, «в современном массовом языковом сознании живущих вне языковой метрополии молодых представителей диаспоры *соприсутствуют* понятия *выученный язык родной земли и ранний, домашний, семейный — природный язык*» [9].

Таким образом, языковая личность демонстрирует все более распространенный феномен множественной языковой идентичности. Это общая тенденция: «Двойная идентичность, а порой и более сложные модели самоидентификации утверждаются в качестве одной из основных характеристик современного российского зарубежья» [15].

Последнее из названных нами кардинальных отличий касается специфики индивидуального когнитивного пространства (ИКП) русской языковой личности ближнего зарубежья.

Есть основания обособить в нем сегмент, который нами условно назван диаспоральным [10]. Как известно, ИКП любой языковой личности формируется на национальной когнитивной базе (КБ) соответствующего лингвокультурного со-

общества, в его культурном пространстве, а также в конкретном коллективном когнитивном пространстве (ККП), как правило, не в одном, а в нескольких. В нашем случае речь о ККП социума, в котором РЯЛ пребывает постоянно и в которое «встроены» все иные социальные сферы. Основная характеристика такого социального когнитивного пространства — это погруженность в иной лингвокультурный контекст, где на него воздействует сила притяжения иной когнитивной базы — КБ2, что также несколько ослабляет мощностное влияние исконной КБ1.

Таким образом, структура знания языковой личности в инациональном лингвокультурном социуме характеризуется обязательным наличием дополнительного компонента в его составе: помимо индивидуальных знаний и представлений, социальных (групповых), национальных и универсальных, присутствуют еще и определенные *инациональные* (конкретные). Этот сегмент и есть диаспоральное когнитивное пространство (ДКП).

Итак, билингвизм, притяжение гражданской и этнической идентичностей и наличие инокультурного сегмента в индивидуальном когнитивном пространстве являются специфическими особенностями РЯЛ ближнего зарубежья, чем и объясняется ее рецептивность к влиянию инокультурной среды страны проживания. Если продемонстрировать это на примере самого распространенного явления, каким является заимствование, то показателем не сам факт заимствований и даже не увеличение количества *чужесловных* единиц, но отношение к ним и характер их использования. Так, одна из причин замены *своих* слов *чужими*, т.е. замены слов родного языка заимствованными, которая важна для понимания и описания речевой практики местных русских в иноязычном окружении, — утрата ими ощущения, что слова соседствующего языка — *чужие*. Ответ лингвиста Е.А. Журавлевой на вопрос о том, являются ли заимствуемые единицы экзотизмами, например, для казахстанских русских, таков: «Безусловно, нет. Данный вид заимствования связан с близкими и длительными контактами между народами, и лексика не может рассматриваться как компонент чужого понимания мира... Лексика, отражающая не родные русскому языку, но близкие и понятные русскоязычному населению понятия, освоенные сознанием говорящих и употребляемые в процессе коммуникации в устных и письменных текстах, не может рассматриваться как экзотическая» [6].

Исследуемый нами ареал ближнего зарубежья демонстрирует массу таких примеров и параллельность процессов заимствования единиц, как имеющих, так и не имеющих эквиваленты в языке-приемнике. В этом плане следует вслед за литовским исследователем Б. Синочкиной признать «снижение иммунитета к вторжению иноязычных элементов» [17] как на уровне общества, так и на индивидуальном уровне.

Снижение иммунитета к воздействию иноязычного влияния чревато такими издержками рецептивности, которые непременно следует иметь в виду при формировании языковой личности. Речь о явных нарушениях норм, т.е. об ошибках, поэтому особое внимание следует обратить на факты интеркаляции и инерционной интерференции.

Противоположным рецептивности вектором регулирования языковых процессов является резистентность самого языка как системы и его носителей к инокультурному влиянию.

Она проявляется в первую очередь в русификации заимствований из других языков и синхронном их освоении русским языком в России и ближнем зарубежье. Повсеместно «заимствованные слова вовлекаются в сферу русской грамматики. Основной массив существительных склоняется, глаголы — спрягаются. Оказывается сильным и словообразовательный механизм. Основы заимствованных слов разных частей речи соединяются с русскими словообразовательными аффиксами» [7]. Весьма показательно в сегодняшней ситуации, когда очевидно глобальное влияние английского языка: «великий русский язык не позволяет пристегнуть себя к американскому новоязу (*new speak*). Он его русифицирует» [19].

Важно также отметить синхронную динамику основных тенденций развития языка в разных географических точках. Современный этап в истории развития русского языка примечателен тем, что в России и зарубежном русскоязычном пространстве происходят параллельные процессы. Синхронный характер процессов стабилизирует язык. Этому способствует, с одной стороны, четкий алгоритм инкорпорации и адаптации, который задает сама система, с другой — информационные технологии, обеспечивающие прозрачность коммуникативного пространства, благодаря чему происходит трансляция нововведений носителям языка в разных географических точках.

Помимо резистентности самого языка как системы в целом, важно то, что правомерно обозначить как *человеческий фактор*, которым определяется субъективное отношение носителя к языку и характеризуется, соответственно, мотивационно-прагматический уровень в структуре языковой личности.

От этого фактора тоже в немалой степени зависит устойчивость языка к влиянию доминирующей лингвокультурной среды.

Как пишет авторитетный исследователь языка «русских канадцев» Н.И. Голубева-Монаткина, роль «в сохранении русского языка за пределами России играют *сознательные, целенаправленные усилия* по передаче языка предков из поколения в поколение. Именно эти усилия, в основе которых лежит национальное, религиозное, культурное самосознание русских, помогают преодолевать постоянное и уже очень длительное давление, которое оказывает иноязычная среда, и сохранять вне России то, что является, несмотря на все ее своеобразие, русской речью» [4]. Е.А. Оглезнева, исследователь языка восточной ветви белой русской эмиграции, констатируя немногочисленность заимствований из китайского языка, объясняет это в том числе личностно значимыми мотивами. «Представление о своем языке как имеющем более высокую социальную и культурную значимость было свойственно русским в Китае» [14].

Нам представляется важным рассмотреть то, какие механизмы задействуются субъективно самим *человеком говорящим*. В этом смысле языковую личность определяют именно этот стратегический выбор в условиях иноязычного социума.

Перечня таких механизмов не существует: их еще предстоит выявить и описать. На наш взгляд, в него следовало бы включить следующие.

Стратегия адаптации или тип культурно-речевого поведения связана с механизмами адаптации. В этнологии широко известна классификация адаптационных стратегий, в которую включены такие из них, как *аккультурация, ассимиляция, интеграция, сегрегация*. Эти стратегии могут использоваться обществом или властью (государственными институтами) по отношению к инациональному контингенту в составе населения. Также они могут быть выбраны для себя коллективно самими меньшинствами или мигрантами.

Что касается индивидуального выбора, то существует концепция трех типов культурно-речевого поведения эмигранта: антиассимилятивное, ассимилятивное и бикультурное. Эту концепцию предложил Г. Пфандль [16; 21]. В ней учитывается отношение эмигранта не только к русскому языку, но и к языку страны пребывания. Понятно, что в качестве результата могут быть получены три принципиально различных варианта языковой личности в одном и том же социокультурном контексте.

Идентификационные ориентиры. Этот механизм касается выбора идентификационных параметров и ориентиров на перспективу. В этой связи хотелось бы обратить внимание на феномен *ментальной диаспоры*. Изучая жизнь русских за пределами России, ученые говорят о «разных степенях ментальной диаспоры. Речь о разнице менталитетов эмигрантов / диаспоры и принимающей их страны, о разнице, которая ощущается, сохраняется в большей или меньшей степени... Это, в свою очередь, оказывает влияние на отношение русского эмигранта к своему родному языку, а также к тому, как долго он продолжает считать себя русским» [11].

Применительно к ближнему зарубежью можно утверждать, что такие опции, как «я — русский», «я — русскоязычный» мотивационно отличаются от позиционирования себя в качестве «гражданина такой-то страны русского происхождения» и дают, соответственно, разный результат — разную по портретным характеристикам РЯЛ. В ходе проведения специального исследования «Мой русский мир», респондентами в котором выступили русскоязычные студенты РМ, нами выявлена прямая зависимость языковой компетенции и характеристик РЯЛ от ее идентификационных ориентиров.

Социальные и культурно-речевые установки говорящего. Именно говорящий акцентирует внимание на выборе рече-поведенческой тактики и языковых средств — из арсенала двух контактирующих языков — при коммуникации в билингвальной среде. Речь идет о сиюминутной прагматике общения и об отношении к культуре и правильности собственной речи.

Здесь нам видятся три разновидности возможных установок.

Установка на раздельное использование контактирующих языков. В языковом сознании за русским (родным) языком и другим языком (социума) закреплены разные сферы функционирования или, по выражению Л. Найдич, «ряд важнейших языковых доменов» [12].

Прагматическая установка на переключение или смешивание языкового кода. Анализируя примеры вербального выбора русских эмигрантов в Германии, В.В. Жданова делает вывод о том, что «немаловажную роль при нарушении Code-switching, а также при смешении языковых кодов, помимо действия бессознательных механизмов, играют и *осознаваемые социальные и культурные установки говорящего...* не в силу недостаточной языковой компетенции, а в силу срабатывания определенной прагматической установки» [5].

Установка на стихийный выбор без ограничений. В этом случае вернее было бы говорить об отсутствии установок, поскольку это поведение по модели «как хочу, так и говорю» или «как могу, так и говорю». Исследователь Г.Ю. Богданович из Крыма констатирует: «Речевая разнузданность сопровождается практически всюду: в транспорте, в школе, на базаре, в СМИ. Люди перестают следить за своей речью, вводят в язык общения слова из другого знакомого языка, совсем не задумываясь о том, насколько это уместно. В результате получается „языковой суржик“» [3].

Н.Ю. Авина, рассуждая на примере исследования речи русских в Шяуляйском регионе Литвы о чрезмерном увлечении заимствованиями литуанизмов, которое далеко не всегда вызвано насущной необходимостью, справедливо отмечает, что это может привести к нежелательным для культуры речи последствиям. «С течением времени носитель языка может потерять контроль над своим речевым поведением и перестать понимать, правильно или неправильно используются какие-то выражения. Ошибочные использования входят в привычку. Это наблюдается как в разговорно-просторечной языковой стихии, так и в нормированном литературном языке» [1].

Подводя итог, подчеркнем значимость учета при формировании языковой личности в инокультурном социуме таких характеристик как рецептивность и резистентность, от сбалансированного соотношения которых зависит состояние языка, бытующего вне доминанты исконного лингвокультурного контекста, как в практике отдельного *Homo loquens*, так и сообщества в целом.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Здесь и далее буквами, соответствующими инициалам, обозначены проинтервьюированные респонденты.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Авина Н.Ю. Язык русской диаспоры в современной Литве // Отечественные записки. — 2005. — № 2. — С. 259—270.
- [2] Алферова Ю.И. Профессионально маркированные компоненты языкового сознания, репрезентированные единицами родного и изучаемого языков: Дисс. ... канд. филол. наук. — Омск, 2005.
- [3] Богданович Г.Ю. Русский язык в полилингвокультурной ситуации Крыма // Сб. Русский язык: исторические судьбы и современность: I Международный конгресс исследователей русского языка. — МГУ, 13—16 марта 2001. — Москва. — С. 298.

- [4] *Голубева-Монаткина Н.И.* Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. — М.: УРСС, 2010. — С. 3.
- [5] *Жданова В.В.* Роль социокультурных установок говорящего при переключении или смешивании языкового кода (на материале русского языка немецкой диаспоры). [Электронный ресурс] // *Русская социолингвистика*. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/russlin/01.php — С. 302.
- [6] *Журавлева Е.А.* Русский язык в межкультурной среде Казахстана // *Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна 17—23 сентября 2007 г.* — SOFIA: NERON PRESS, 2007. — С. 514.
- [7] *Земская Е.А.* Специфика речи русской диаспоры на рубеже XX—XXI века // *Slavica Helsingiensia 24: Русский человек в иноязычном окружении* / Под ред. А. Мустайоки и Е. Протасовой. — Хельсинки, 2004. — С. 23.
- [8] *Клюев Е.В.* «Вавилонизм» как признак языковой личности // *Русский язык за рубежом*. — 2008. — № 4. — С. 85.
- [9] *Лихачева А.Б.* В поисках родного языка: к определению понятия (По данным диаспоры) // *Русское слово в мировой культуре: Сб. материалов X Конгресса МАПРЯЛ*. — СПб., 2003. — С. 115.
- [10] *Млечко Т.П.* Индивидуальное когнитивное пространство русской языковой личности в новом зарубежье // *Русский язык за рубежом*. — 2012. — № 1. — С. 58—64.
- [11] *Мустайоки А., Протасова Е.* Быть русским и говорить по-русски // *Slavica Helsingiensia 24: Русский человек в иноязычном окружении* / Под ред. А. Мустайоки и Е. Протасовой. — Хельсинки, 2004. — С. 10.
- [12] *Найдич Л.* Выбор языка, переключение кода, лексические заимствования: русский язык эмигрантов последней волны в Израиле // *Slavica Helsingiensia 24: Русский человек в иноязычном окружении* / Под ред. А. Мустайоки и Е. Протасовой. — Хельсинки, 2004. — С. 115.
- [13] *Нерознак В.П.* Лингвокультурология и лингвоперсоналогия // *Вавилонская башня. Слово. Текст. Культура. Евразия на перекрестке языков и культур*. — М., 2003. — С. 15.
- [14] *Оглезнева Е.А.* Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Е.А. Оглезнева. — Томск, 2009. — С. 38.
- [15] *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. — М., 2008. — С. 452.
- [16] *Пфандль Г.* Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны: несколько размышлений // *Русский язык за рубежом*. — 1994. — № 5—6. — С. 101—108.
- [17] *Синочкина Б.М.* Судьба «великого и могучего» в постсоветской Литве // *Диаспоры*. — 2003. — № 1. — С. 21.
- [18] *Трубецкой Н.С.* К проблеме русского самопознания // *Вавилонская башня. Слово. Текст. Культура. Евразия на перекрестке языков и культур*. — М., 2003. — С. 7—8.
- [19] *Шаховский В.И.* Влияют ли американизмы на историческую судьбу России и русского языка? // *Русский язык: ист. судьбы и современность, Москва, МГУ, 13—16 марта 2001: Сб. тезисов междунар. конгресс.* — М., 2001. — С. 319.
- [20] *Энциклопедия: Русский язык: 2-е изд., перераб. и доп.* — М.: БРЭ, 1997. — С. 671.
- [21] *Pfandl H.* Sprachwahl als Verfahren und Sprache in der Identitätskonstruktion // *Stadler W., Binder E. & Kalb H. (Hg.), Junge Slawistik in Österreich*. — Innsbruck, 2000. — P. 165—166.

LITERATURA

- [1] *Avina N.Yu.* Yazy'k russkoi' diaspory' v sovremennoi' Litve // *Otechestvenny'e zapiski*. — 2005. — № 2. — S. 259—270.

- [2] *Alferova Yu.I.* Professional'no markirovanny'e komponenty' yazy'kovogo soznaniya, reprezentirovanny'e edinicami rodnogo i izuchaemogo yazy'kov: Diss. ... kand. filol. nauk. — Omsk, 2005.
- [3] *Bogdanovich G.Yu.* Russkii yazy'k v polikul'turnoi situacii Kry'ma // Sb. Russkii yazy'k: istoricheskie sud'by' i sovremennost': I Mejdunarodny'i kongress issledovatelei russkogo yazy'ka. — MGU, 13—16 marta. — M., 2001. — S. 298.
- [4] *Golubeva-Monatkina N.I.* Russkaya e'migrantskaya rech' v Kanade koncza XX veka. — M.: URSS, 2010. — S. 3.
- [5] *Jdanova V.V.* Rol' socziokul'turny'x ustanovok govoryashhego pri pereklyuchenii ili smeshivanii yazy'kovogo koda (na materiale russkogo yazy'ka nemeczkoj diaspory') // [E'lectronny'i resurs] Russkaya socziolingvistika. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/russlin/01.php — С. 302.
- [6] *Juravleva E.A.* Russkii yazy'k v mejkul'turnoi srede Kazaxstana. // Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire: Materialy XI Kongressa MAPRYAL. Varna 17—23 sentyabrya 2007. — SOFIA: NERON PRESS, 2007. — S. 514.
- [7] *Zemskaya E.A.* Speczifika rechi russkoi diaspory' na rubeje XX—XXI veka // Slavica Helsingiensia 24: Russkii chelovek v inoyazy'chnom okrujenii / Pod red. A. Mustajoki i E. Protasovoi. — Xelsinki, 2004. — S. 23.
- [8] *Klyuev E.V.* "Vavilonizm" kak priznak yazy'kovoi lichnosti // Russkii yazy'k za rubejom. — 2008. — № 4. — S. 85.
- [9] *Lixacheva A.B.* V poiskax rodnogo yazy'ka: k opredeleniyu ponyatiya (Po dannym diaspory') // Russkoe slovo v mirovoi kul'ture: Sb. materialov X Kongressa MAPRYAL. — SPb., 2003. — S. 115.
- [10] *Mlechko T.P.* Individual'noe kognitivnoe prostranstvo russkoi yazy'kovoi lichnosti v novom zarubejje // Russkii yazy'k za rubejom. — 2012. — № 1. — S. 58—64.
- [11] *Mustajoki A., Protasova E.* By't russkim i govorit' po-russki // Slavica Helsingiensia 24: Russkii chelovek v inoyazy'chnom okrujenii / Pod red. A. Mustajoki i E. Protasovoi. — Xelsinki, 2004. — S. 10.
- [12] *Naidich L.* Vy'bor yazy'ka, pereklyuchenie koda, leksicheskie zaimstvovaniya: russkii yazy'k e'migrantov poslednei volny' v Izraile // Slavica Helsingiensia 24: Russkii chelovek v inoyazy'chnom okrujenii / Pod red. A. Mustajoki i E. Protasovoi. — Xelsinki, 2004. — S. 115.
- [13] *Neroznak V.P.* Lingvokul'turologiya i lingvopersonologiya // Vavilonskaya bashnya. Slovo. Tekst. Kul'tura. Evraziya na perekrestke yazy'kov i kul'tur. — M., 2003. — S. 15.
- [14] *Oglezneva E.A.* Russkii yazy'k v vostochnom zarubejje (na materiale russkoi rechi v Xarbine): Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. — Tomsk, 2009. — S. 38.
- [15] *Pivovar E.I.* Rossiiskoe zarubejje. Soczial'no-istoricheskii fenomen, pol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii. — M., 2008. — S. 452.
- [16] *Pfandl H.* Russkoyazy'chny'i e'migrant tret'ei i chetvertoi volny': neskol'ko razmy'shlenii // Russkii yazy'k za rubejom. — 1994. — № 5—6. — S. 101—108.
- [17] *Sinochkina B.M.* Sud'ba "velikogo i mogocheho" v postsovetskoj Litve // Diaspory'. — 2003. — № 1. — S. 21.
- [18] *Trubeczkoj N.S.* K probleme russkogo samopoznaniya // Vavilonskaya bashnya. Slovo. Tekst. Kul'tura. Evraziya na perekrestke yazy'kov i kul'tur. — M., 2003. — S. 7—8.
- [19] *Shaxovskii V.I.* Vliyayut li amerikanizmy na istoricheskuyu sudibu Rossii i russkogo yazyka? // Russkii yazy'k: istoricheskie sud'by' i sovremennost' Moskva, MGU, 13—16 marta 2001: Sb. tezisev mejdunarodny'i kongress. — M., 2001 — S. 319.
- [20] E'ncziklopediya: Russkii yazy'k: 2-e izd., pererab. i dop. — M.: BRE', 1997. — S. 671.
- [21] *Pfandl H.* Sprachwahl als Verfahren und Sprache in der Identitätskonstruktion // Stadler W., Binder E., Kalb H. (Hg.), Junge Slawistik in Österreich. — Innsbruck, 2000. — P. 165—166.

THE RUSSIAN LINGUISTIC PERSONALITY UNDER CONDITIONS OF INTERCULTURAL SOCIETY: BALANCE OF RECEPTIVITY AND RESISTANCE

T.P. Mlechko

Slavonic University
Chisinau, Republic of Moldova
Florilor str., 28/1, Kishinev, Republic of Moldova, MDA-2075

The article is devoted to identification of the characteristics of the Russian linguistic personality in the near abroad. It discusses the factors that have foreordained its increased receptivity to the influence of foreign cultural environment, as well as potential and mechanisms of resistance that should be taken into account in the formation of linguistic personality in a multilingual environment.

Key words: linguistic personality, near abroad, bilingualism, linguistic identity, receptivity, resistance.